

КАКИЕ НАШИ ГОДЫ...

(К 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
АЛЕКСАНДРА КОВАЛЕВА)

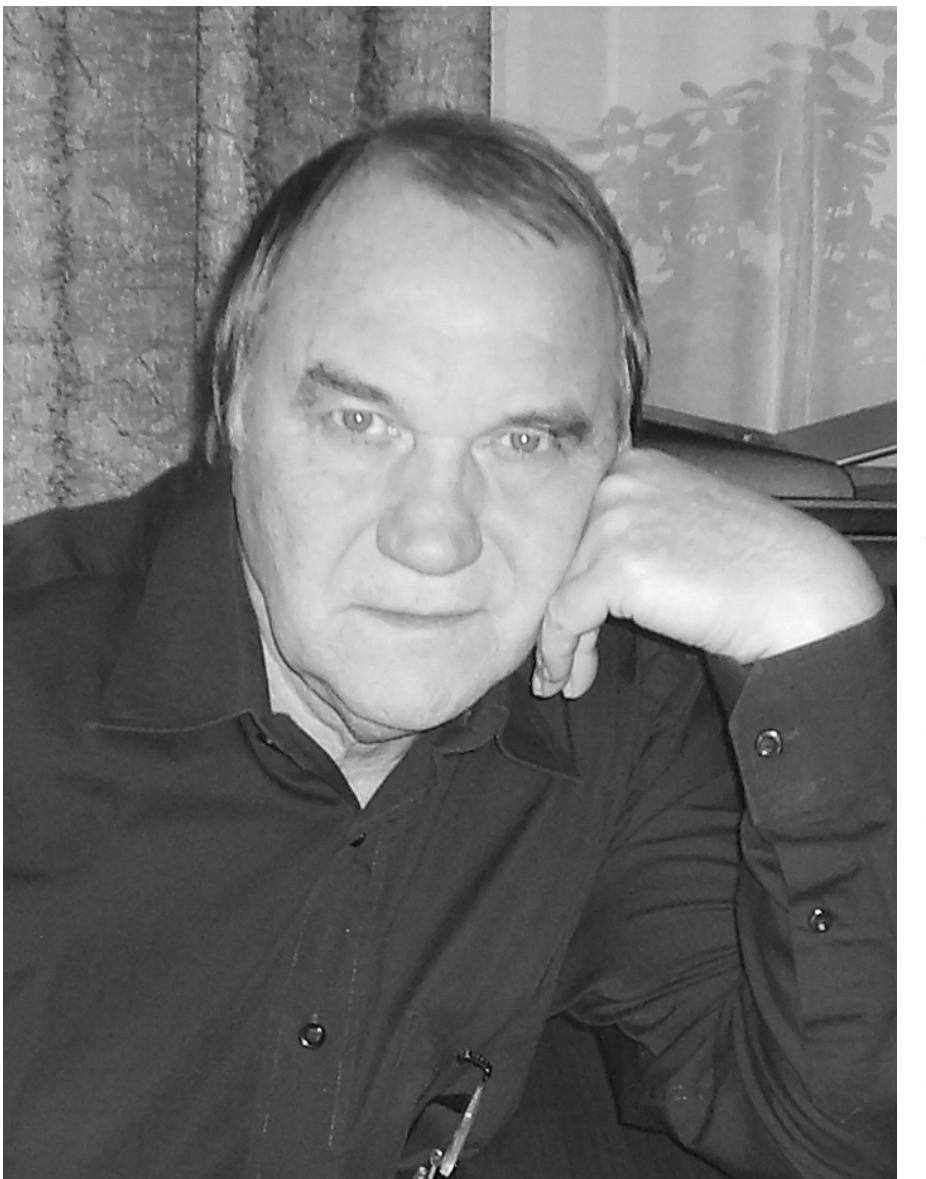
— Александр, мы знакомы и дружим с тобой много лет. Поэтому, несмотря на солидность юбилейной даты и самого юбиляра, разреши мне обращаться к тебе на «ты» и по имени. Мне кажется, в таком разговоре будет больше теплоты и доверительности. И для начала я прошу рассказать о своём детстве. Где родился, кто твои родители, где и как прошла твоя юность?

— Я родился на самом излёте тех самых «сороковых-рекордных» в небольшом шахтерском городке под Донецком, куда мои родители приехали в 1946 году по комсомольскому призыву на восстановление послевоенного разрушенного Донбасса. Отец, Ковалев Николай Иванович, после демобилизации из Красной армии, в которой он с июля 1942 по май 1945 прошел по дорогам войны от Моздока до Берлина и Праги. Мама, урожденная Дятлова Нина Ивановна, из сожженного фашистами белорусского Витебска, в котором она пятнадцатилетней девчонкой чудом выжила в годы оккупации. Своего «донецкого жилья» я почти не помню, так как в четыре года родители переехали из Донбасса на Северный Кавказ, родину моего отца. Так что своё детство и юность я провел в совершенно удивительных пермитоновских местах — Пятигорск, Кисловодск, Черкесск, которые, собственно, и воспитали меня своей природой, историей, удивительной атмосферой творчества и романтизма. Помнишь, как у Лермонтова в прологе «Героя нашего времени» — «Вчера я приехал в Пятигорск... Воздух чист и свеж, как поцелуй ребёнка...». Собственно, здесь, в этой атмосфере и появились мои первые рифмованные строчки, просто не могли не появиться.

— Между детскими рифмованными строчками и серьезной литературной работой большая разница. Расскажи, как и когда началась твоя осмысленная, серьезная работа в литературе.

— Да, действительно, между первыми рифмованными строчками и профессиональной литературой дистанция огромная, в большинстве случаев просто непреодолимая: ведь кто в свои пятнадцать-шестнадцать не пробовал писать стихи. В те времена и я не думал о серьезной работе в литературе. Меня увлекала физика, техника, желание проектировать и создавать новые машины. Поэтому после окончания с отличием Политехнического техникума, я в 1968 году отправился в Москву, поступить в один из самых престижных в те времена ВУЗов страны — Московский Энергетический институт. Удивительно, но в Москве, совсем было отвергнуто мною литературное творчество, зацепило меня с новой силой. Виной всему студенческий самодеятельный театр, куда меня как-то затащили приятели-старшекурсники. Театр назывался «Агиттеатром МЭИ», ставили студенческие миниатюры, скетчи, сочиняли

Читателям «Невского альманаха», так же как и всероссийскому читателю, хорошо известно имя Александра Ковалёва. Весной этого года поэту, прозаику, пародисту, ученому, эксперту Энергетического Комитета ООН, лауреату множества премий в области литературы и техники, члену редсовета, автору и большому другу нашего журнала исполняется 70 лет. Обычно в юбилейные даты наш журнал отдает своим ведущим авторам несколько страниц, чтобы представить творческий портрет юбиляра. Но в этот раз мы решили изменить традицию. Ведь творчество Александра Николаевича, его стихи, поэмы, проза, очерки, публицистика, юмористические произведения и без того постоянно и широко представляются в нашем журнале. А читателям, как нам кажется, в случае с А. Ковалевым, интересно было бы узнать больше о биографии писателя, истоках творчества, его встречах с известными мастерами слова, театра, науки. Поэтому мы решили просто поговорить с ним по душам, взять интервью, в котором юбиляр сам определил бы наиболее значительные вехи своей жизни и творчества. А беседовал с Александром Ковалевым Главный редактор «НА» Владимир Скворцов.

Александр Ковалёв

Выступает Александр Ковалёв

короткие сатирические пьески. Вот и моя «работа со словом» пришла ко двору, я стал сочинять для театра. Сначала это были традиционные миниатюры, тексты песен к спектаклям. Потом пришла серьезная работа. В театр пришел профессиональный режиссер, и театр преобразился. По сути, он стал поэтическим, в репертуаре появились вещи серьезных авторов: Евтушенко, Гамзатов, Вознесенский...

Моя задача, а я уже утвердился вроде как «кав. литературной частью» театра, как раз и состояла во встречах и работе с нашими новыми авторами. Стоит ли говорить о том, с каким волнением я звонил, объяснял, встречался с этими авторами, по сути, кумирами поколенья. Для театра требовалось не просто стихи, нужны были связки текста, какие-то прозаические вставки, музикально-песенные фрагменты. Все это свалилось на мою неопытную голову. И я начал, не смущаясь, препарировать тексты знаменитых авторов, что-то дописывал, что-то безапелляционно вырезал. Молодость – святая простота! Правда, я всегда советовался с авторами, и они почти всегда соглашались с моими вивисекциями, ими тоже двигал интерес увидеть свои творения на сцене студенческого театра. Несколько позднее, когда у меня, точнее у театра, уже организовался круг общения с литературными и театральными знаменитостями, а в нем, помимо упомянутых выше авторов, были поэты Межиров, Шкляревский, писатели Тендряков, Бондарев, Симонов, актеры Таганки: Смехов, Филиппенко, Галкин, Высоцкий и сам Юрий Петрович Любимов, я как-то спросил об этом у Евтушенко. И тогда Евгений Александрович рассказал мне одну историю, объясняющую интерес знаменитостей к нашему самодеятельному театру. В начале 60-х, во время своей поездки в Америку, он встречался с Джоном Апдайком, и тот тогда с гордостью поведал ему, что его «Кентавр» ставит не какой-нибудь коммерчес-

кий театр на Бродвее, а студенческий театр Принстона, а это значит не коммерческий, а настоящий, народный интерес к произведению.

– *Думаю, что такие знакомства и встречи, непосредственное общение со знаменитостями – это безумно интересно и, наверное, многое дали тебе, как начинающему литератору. Но работа для театра это, скорее, драматургия. А как же стихи?*

– Знакомство со знаменитыми авторами, глубокое (а иначе и не скажешь, в силу моей деятельности того времени) погружение в литературу, снова подвигло меня к писанию стихов. Но, конечно, это уже было совсем другое понимание и отношение к творчеству. Однажды, когда к нам на спектакль приехали Евтушенко и Межиров, я во время застолья после спектакля прочитал пару своих стихотворений. Евтушенко сдержанно похвалил, а Александр Петрович Межиров попросил прислать ему тексты, как он выразился: «хочу взглянуть поглубже», просил позвонить через неделю. Я позвонил, и он пригласил меня в свою поэтическую мастерскую, которую вел в то время в ДК завода «Серп и Молот» на Рогожской заставе. Так, собственно, у меня и началась путь в серьезную литературу. Писал я в те времена не много – учеба в институте, театр, общественная работа забирали много времени, но что-то, кажется, все же получалось. Во всяком случае первые серьезные публикации моих стихов появились в Москве, сначала на радио, потом в московских молодежных газетах. Всерьез же литературным творчеством я занялся уже в Ленинграде, куда был распределен после окончания института на работу в турбостроительное КБ знаменитого «Ленинградского Металлического завода».

– *Ну, и как складывались творческие дела в Ленинграде?*

– Надо сказать, что в Питере я сразу попал, как говорится, в хорошие руки. Занимался в ЛИТО у Леонида Хаустова и Сергея Давыдова, работал в семинарах Леонида Агеева и Натальи Грудининой, будучи участником нескольких конференций молодых писателей Северо-Запада. Как результат: первые же крупные публикации стихов в альманахе «Молодой Ленинград – 78» и журнале «Звезда» обратили на себя внимание критики. Так, помнится, Наталья Банк в своей статье «Кто же примет эстафету» о молодой поэзии Ленинграда, называя мою фамилию в числе наиболее обещающих молодых поэтов, обратила внимание на серьезный, профессиональный подход молодого автора к работе над словом: «Материал хорошо изучен – каждой главе предложен документальный эпиграф...» – это о небольшой поэме «Первая любовь Республики» о строительстве первенца электрификации Волховской ГЭС, опубликованной на открытие «Молодого Ленинграда-80». Надо сказать, что в те времена я много экспериментировал в поэзии, пробовал

разные стили, написал несколько поэм. Все это хотелось немедленно опубликовать, получить обратную связь от читателя и критики. В этом смысле я благодарен Герману Гоппе и поэту Вячеславу Кузнецovу, которые во многом мне помогали советами, способствовали частому появлению моих подборок и поэм в газете «Смена» и журнале «Звезда». С начала восьмидесятых мои стихи уже регулярно публикуют журналы «Нева», «Аврора», «Звезда», «Смена», «Молодая Гвардия», «Советский воин», «Литературная учба», «Дружба», «Студенческий меридиан», «Комсомольская правда» и многие другие издания, стихи переводятся за рубежом.

Стала замечать и московская критика. Добрый словом отметили Михаил Попов и Алла Киреева (жена Роберта Рождественского и, вероятно, потому еще и влиятельный критик того времени). Пару раз добром помянул даже великий Вадим Кожинов.

Разумеется, и я это прекрасно осознаю, столь высокому вниманию и пафосности оценок моего творчества я в известной мере обязан времени. На дворе конец семидесятых – начало восьмидесятых. Молодой поэт с хорошей биографией инженера-турбостроителя приходится ко двору и официальной критике, и кураторам молодой литературы от Ленинградского Обкома и ЦК ВЛКСМ. Но несомненны и творческие способности. При всей идеологизированности средств массовой информации и печати того времени, в издательствах и отделах поэзии журналов работают настоящие профессионалы, которые посредственность в печать просто не пускают, каких бы высоких покровителей от литературы ты не имел. В это время по путевкам ЦК ВЛКСМ я много езжу по стране с такими же, только начинающими молодыми питерскими литераторами и моими друзьями: Юрий Шестаковым, Володей Рекшаном, Олегом Левитаном и многими другими. Ленобласть, Комсомольск-на-Амуре, Саяно-Шушенская ГЭС – это только немногие адреса, где мне удалось побывать в творческих командировках. Я разрываюсь между своей инженерной и творческой работой и никак не могу определиться, что для меня важнее.

В 1979 году я посыпал свои стихи на конкурс для поступления в Литинститут, прохожу его, и меня приглашают для сдачи вступительных экзаменов. Совсем было собрался, но в ту же осень мне предложили место в аспирантуре Ленинградского Политехнического института по моей любимой теме «Теплообмен в газовых турбомашинах» и я, рассудив, что стихи от меня и так никуда не денутся, выбираю науку.

В 1982 я защищаю кандидатскую диссертацию и одновременно в «Лениздате» в четвертой поэтической кассете молодых поэтов Ленинграда у меня выходит первый авторский сборник стихов «Равновесие». В книге всего три десятка лирических

стихотворений и небольшая поэма о войне «Лейтенанты». Книга хорошо встречена критикой и товарищами по литературному цеху, особенно поэма. Но книга крохотная, всего один авторский лист – 700 поэтических строк из многих тысяч написанных мною к тому времени. Ленинградский поэт Александр Шевелев, хорошо знакомый с моим творчеством, берется в качестве редактора подготовить к изданию в московском издательстве «Современник», с которым он плотно сотрудничает, мой второй поэтический сборник «Я вернулся на заре».

Процесс подготовки и издания книги в госиздательстве многотрудный и многолетний, а страна в середине восьмидесятых меняется на глазах. Мой творческий и гражданственный темперамент активно реагирует на перемены в обществе, да и кто в то время не приветствует «ветер перемен». В это время у меня выходит ряд острых публицистических стихотворений и поэм, которые сразу же публикуются в толстых журналах: поэма «Десант» (ж. «Нева», 1984), поэма «Дамба» (ж. «Аврора», 1985), поэма «Три минуты – по Гринвичу» (ж. «Звезда», 1986). Особый читательский и общественный резонанс вызывала антивоенная поэма «Три минуты – по Гринвичу». Сюжет поэм основан на реальном событии, когда американские военные радары приняли стоя птиц за советские ракеты с ядерными боеголовками, летящие к цели. В «Комсомолке» появляется сначала анонс произведения «Если не мы, то кто!», а затем сразу две моих публицистических поэмы: «Первая любовь Республики» и «Три минуты – по Гринвичу».

В 1988 году эти публикации удостаиваются премии Ленкомсомола. Моя творческая жизнь радикально меняется. В 1989 году в издательстве «Современник» выходит мой третий поэтический сборник «Взаимосвязь», а в следующем году проснулись сразу три издательства, которые до того несколько лет мариновали мои рукописи, и выходят еще три моих сборника: «Точка возврата» (изд. ж. «Молодая Гвардия»), «Урочный час» (ЛО изд. «Советский писатель») и «Перекресток» (изд. «Молодая Гвардия»). Удивительно!

Издательства все еще государственные, советские, тиражи по 25 тыс. экз. плюс отменный гонорар, но уже, практически, никакой цензуры, и поэт волен печатать, например, острое, нелицеприятное власти стихотворение об уходе Высоцкого «На смерть паруса» и еще вчера совсем не-представимую в печати «Балладу о возращении в Герат».

У меня уже шесть гонорарных книг, выпущенных в центральных советских издательствах Москвы и Ленинграда, а я все еще медлю со вступлением в СП, хотя мог бы это сделать уже после второй книги, тем более после лауреатства. Но мне пока комфортно в положении молодого литератора: творческие командировки от ЦК ВЛКСМ хоть

Клуб «Музы и Конфузы» ведут Александр Ковалёв и Владимир Скворцов

на край земли, практически неограниченные возможности для печати в молодежных журналах, больше внимания критики и приглашений на ТВ в молодежные программы. Но время идет, мне уже 40 лет, надо вступать в Союз.

В 1991 я вступаю в Союз Писателей СССР, а через год уже нет ни страны с именем СССР, ни Госиздательств, ни Госпремий, ни читательского интереса, ни гонораров, на которые еще два-три года назад можно было безбедно жить в той стране, где труд литератора был уважаем и нужен людям.

– Неужели всё так пессимистично...

– И, да, и нет. Не могу сказать, что я потерялся, а точнее, растерялся в новом времени. Просто страна стала другой, в которой надо было учиться жить и выживать по-новому.

И в этой стране всё еще нужны были мои инженерные знания. Как благодарен я был теперь судьбе, что не ушел из своего КБ, не сменил своей ежедневной, рутинной, но ежемесячно, пусть и скромно, оплачиваемой жизни, на жизнь профессионального литератора, обреченного новым временем на выживание. Но время идет и, если не лечит, то всё как-то «устаканивает», расставляет по своим местам.

До 2014 года, перед тем, как окончательно уйти на заслуженный отдых, я работал по своей инженерной специальности турбостроителя. Стал Главным конструктором на своем родном Металлическом заводе, доктором наук, поработал, как теперь говорят, топ-менеджером в Америке и в нескольких западных энергетических компаниях. Одновременно продолжал писать стихи, прозу, очерки. В новые времена у меня вышло еще с десяток книг поэзии и прозы. Увы, теперь без гонораров, но и без затрат на издание из собственного кармана. Хоро-

шо иметь старых друзей и спонсоров в современном бизнесе. Стал профессором, академиком ПАНИ, лауреатом с десятка разных современных литературных премий. Теперь это просто, так же, как за свой счет издать книгу, которую далеко не всегда можно назвать даже книжечкой. Правда, целиком рядом современных премий, по настоящему независимых и литературных, я горжусь, и среди них премия Б. Корнилова, премия Ал. Невского, премия Правительства и ЗАКСа Санкт-Петербурга, премия Клуба 12 стульев ЛГ «Золотой теленок».

– Мы еще не касались твоих юмористических произведений...

– Что касается юмора, литературных пародий, эпиграмм, сатирических рассказов, то это история отдельная. Собственно, на протяжении всей своей творческой жизни, начиная с институтского СТЭМА, я писал всякого рода веселые истории. А если говорить о выходе ко всесоюзному читателю, то первая моя пародия на Глеба Горбовского была опубликована в 1984 году. Правда, до определенного времени я не считал это занятие серьезным. Но времена меняются. Оказалось, что в постперестроенное да и в сегодняшнее время, жанр литературной пародии, и вообще, юмор, как никогда востребованы. Востребованы зрителем и читателем (наверное, в наше время с шуткой по жизни легче, чем без неё), востребованы телевидением и мастерами эстрады, для которых я пишу, а частенько и сам выступаю в юмористических передачах на центральных телеканалах. Читатели Невского альманаха знают, что в свое время я долгое время вел юмористическую рубрику «Музы и Конфузы» от Александра Ковалева», был одним из основателей Клуба народного юмора НА «Музы и Конфузы». Какое-то время я

даже был редактором Клуба 12 стульев ЛГ, но делать это из Питера сложно, потому сам попросился в отставку. Да и со здоровьем есть проблемы.

Тем не менее, все, что я делаю в жанре литературной пародии, я делаю исключительно в свободное от серьезной литературной работы время, исключительно для собственного удовольствия и исключительно из любви к пародируемым авторам – моим друзьям по литературному цеху. А мои друзья по определению не могут быть плохими поэтами. На плохих я просто не пишу. Надеюсь, что мои опыты в этом жанре – в меру корректны, чтобы не показаться слишком обидными для отдельных персонажей, и в меру забавны, чтобы не показаться слишком скучными для читателя.

– В канун твоего 70-летия при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга у тебя вышел солидный четырехтомник избранных произведений. Скажи пару слов об этом событии.

– Это верно, в канун моего юбилея вышло из печати многотомное издание моих избранных произведений. Издание действительно получилось солидное: четыре тома по 350 страниц каждый, в которые включены избранные стихотворения, поэмы, проза, юмористические произведения. Правда, на средства Комитета по печати вышел только 1-й том, остальные были обещаны в последующие годы. Но, как говорится, «дорогое яичко к Христову дню», а точнее, к юбилею. Поэтому я попросил сво-

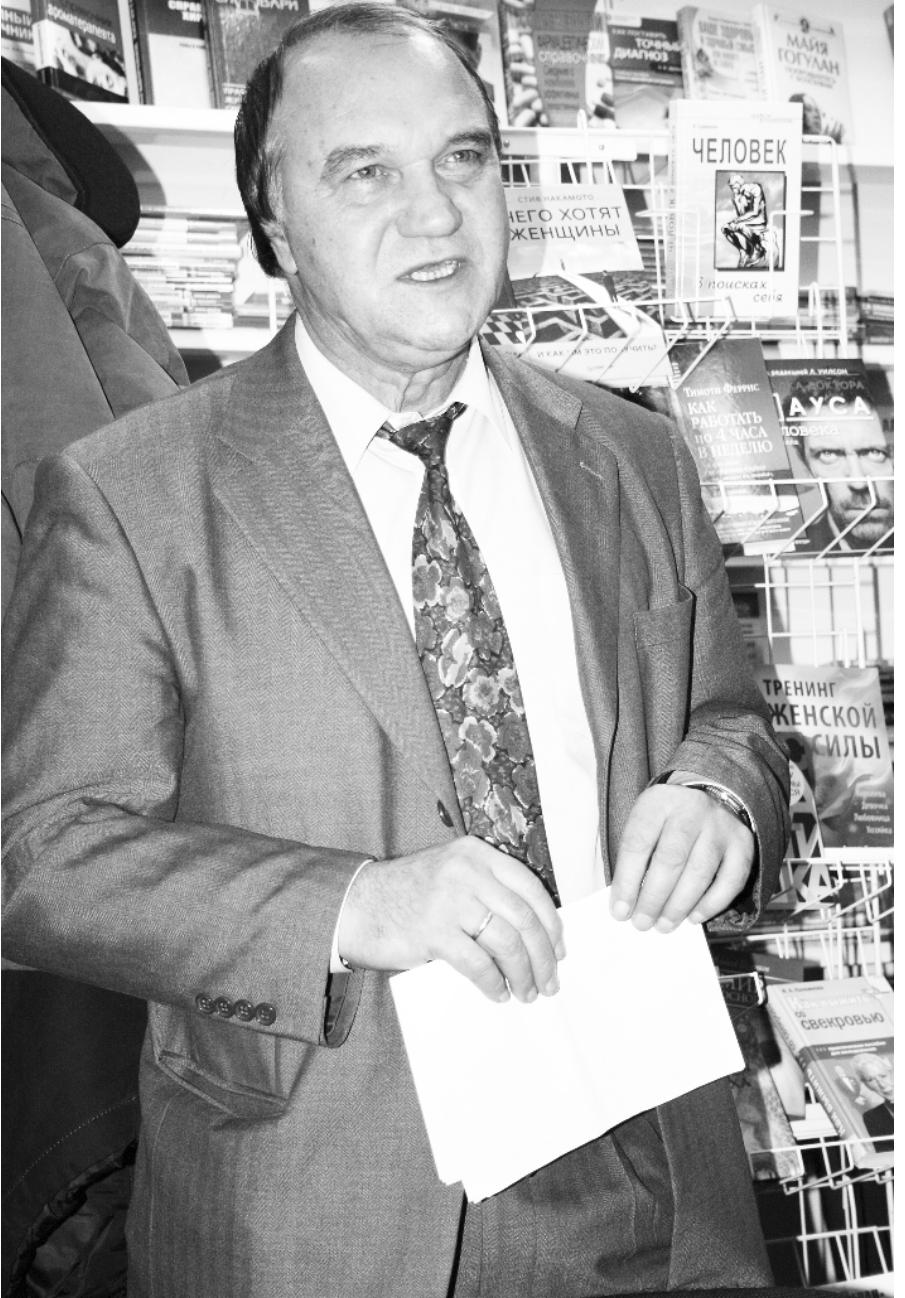
его постоянного спонсора помочь мне в издании ещё трех томов, что и было сделано, и за что я ему бесконечно благодарен.

Знаешь, дело не в том, что я решил «надуть щеки» и изобразить из себя классика. Дело в том, что жизнь прожита долгая, в литературе я добрых полвека, написано за это время много, и к 70-летию (кто знает, сколько ещё осталось?) хотелось бы подвести какие-то творческие итоги, собрать что-то из написанного под одну, а точнее, под несколько солидных обложек. Когда я попробовал это сделать, оказалось, что и четырех томов мало, влезет в лучшем случае половина, даже если отбросить совсем «мусор». Поэтому составлялось «Избранное» по простому принципу. Из каждой ранее выпущенной мною книги стихотворений я отобрал по 12–15 стихов плюс с десяток поэм, а ещё проза и юмор, что и сложилось в четырехтомнике.

Я уже как-то говорил, что, несмотря на то, что в литературе я уже полвека и добрая половина моего творчества пришлась на «новые времена», сегодня, со всей прямотой и даже гордостью, я называю себя советским поэтом. Ибо только та, по скромности преданная нами страна, с ее великой культурой и духовностью, могла воспитать во мне художника и гражданина, равно, как и в миллионах моих сограждан того времени. Ибо невозможен ни яркий художник, ни гражданин в стране алчности, несправедливости, нищеты, в стране, начисто лишенной мечты или хотя бы простенькой, но светлой общей идеи.

– И последний, традиционный вопрос. Какие творческие планы на последние 70 лет?

– Володя, мне всегда нравился твой юмор. Спасибо за пожелания последующих 70 лет, но все мы знаем, что жизнь коротка и, увы, в ней никогда не удается сделать всего задуманного. А хотелось бы сделать ещё много, и не только в поэзии. Сейчас, помимо юмора, я по большей части пишу прозу: рассказы, очерки, какие-то воспоминания (не хочу пока называть это мемуарами). К тому же, мне всегда нравилось делать в литературе что-то новое, раздвигать границы жанра. Совсем недавно я перечитал мои американские заметки, сделанные ещё четверть века назад во время моей стажировки в США. Кое-что добавил, проиллюстрировал прозаические куски стихами. Получились своеобразные путевые заметки, скорее даже синтетический художественный очерк «Американские дожди», симбиоз поэзии и документальной прозы. Буду благодарен тебе, если найдешь несколько страниц в журнале для публикации этого произведения.

Выступает Александр Ковалёв

